

Иван Аксаков и Наполеон III: славянофильская интерпретация бонапартизма

А. А. Кротов

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Для цитирования: Кротов А. А. Иван Аксаков и Наполеон III: славянофильская интерпретация бонапартизма // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2024. Т. 40. Вып. 4. С. 595–607. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2024.403>

В статье анализируются представления одного из лидеров славянофильства о природе бонапартизма. Вопрос этот пока еще не был предметом пристального исследовательского интереса. В своих статьях 60-х гг. XIX в. И. Аксаков, размышляя о судьбе России, неоднократно затрагивал тему наполеоновской политики. С его точки зрения, бонапартизм — органическое порождение западной истории. Он утвердился благодаря гению одного человека, стал возможен за счет революционных потрясений, поколебавших строй наследственных монархий. Он выражается в возвеличивании отдельно взятой личности, приобретающей значение центра жизни всей страны. Удерживать власть она может чередой новшеств и побед, размеренный ритм жизни губит ее могущество. Личность Наполеона I Аксаков по-своему поэтизировал, видел в нем артиста в истории. Наполеон III, напротив, казался ему хитрым, расчетливым политиком. В славянофильской системе координат бонапартизм для России неприемлем, ее путь иной — развитие народного самосознания, защита православных ценностей, объединение славян. Аксаков предсказывал падение династии Бонапартов, не считал ее долговечной. Прогноз этот его оправдался, как и предсказание франко-прусской войны, завершившейся крахом Второй империи. В противостоянии России и Запада Аксаков видел религиозную подоплеку. Говорил он и о зависти старого мира к новому. При этом Аксаков заявлял о необходимости уважительного отношения к западным народам, о ложности самовозвеличивания в нравственной сфере, предполагающей смирение, а не опору на гордыню. Сила России, в его понимании, в ее древних основах: чистоте веры, народной добродетели, общине.

Ключевые слова: И. С. Аксаков, Наполеон III, бонапартизм, русская философия, Россия и Запад, славянофильство, культура XIX в.

В славянофильском лагере вопросы текущей политики всегда вызывали непосредственный интерес, порождали оригинальные сужения, подчас и неожиданные отклики. При этом за высказываниями, казалось бы, частного характера обыкновенно скрывалось применение общего подхода, напрямую вытекавшего из определенного понимания истории. Особая страница в этом ряду политических оценок принадлежит И. С. Аксакову. В его философской публицистике тема бонапартизма в связи с историей России была разработана обстоятельным образом. Пристального внимания исследователей эта тема до сих пор не привлекала; между тем она значима для характеристики одного из важных аспектов славянофильского движения.

Конечно, применительно к мировосприятию И. С. Аксакова правомерно ставить вопрос о некоторой эволюции взглядов, в частности по вопросу о роли дворянства в общественной жизни. Вместе с тем имелись и бесспорные константы его системы убеждений.

Размышляя о политике европейских держав в отношении России, Аксаков особую роль отводил бонапартизму. Примечательна в этом отношении его статья, посвященная речи Наполеона III в законодательном собрании (ноябрь 1863 г.). По определению философа, «сама личность Наполеонидов является одним из условий развития, историческим двигателем Западного человечества, какую-то историческую силу, но не случайную, а органические порожденную всею духовною природою Запада. В них Западное начало личности возрастает до степени мировой революционной силы, до титанического величия» [1, т. 7, с. 5]. Это титаническое величие тем более важно, что оно бросает прямой вызов России, и притом не в первый раз. Философское понимание истории, развиваемое И. С. Аксаковым, предполагает в качестве своего важнейшего элемента столкновение упомянутого титанического величия с «личным смирением Русского народного духа». С точки зрения Аксакова, Запад оказался в противостоянии с «всемирно-историческим значением Славянства», воплощенным Россией. Их столкновение в 1812 г. привело к падению Наполеона I. Аналогичный исход русский философ пророчит и для Наполеона III. По его прогнозу, даже если не случится в ближайший год (1864) польской кампании, все-таки очередная русско-французская война «неизбежна». Правда, при одном специально оговоренном условии: если Наполеон III «проживет еще долго».

Согласно Аксакову, речь Наполеона III перед депутатами — событие не рядовое, отнюдь не равное по значению, к примеру, выступлениям королевы Виктории, прусского или австрийского монархов. Политику других властителей легко предсказать, даже не читая их речей. Влечения управляемых ими народов, подчиненные исторической логике, можно предугадать. Но личная прихоть императора французов, этого «сфинкса нашего времени», не может считаться легко поддающейся раскрытию внешним наблюдателем. Она и загадочна, и по-своему таинственна. Его поступки определяют общую политическую ситуацию во Франции, но также оказывают влияние на положение дел во многих других странах. Поэтому-то, выступая с речью, Наполеон III знал наверняка, что «внимает ему, напрягая слух, вся вселенная», «каждое произносимое им слово имеет, так сказать, вселенский и исторический резонанс» [1, т. 7, с. 3]. Аксаков настаивает: значение речи не в том, что ее произнес могущественный император, и отнюдь не в каких-то предполагаемых достоинствах ее содержания. Она важна просто в силу ее отношения к деяниям известной династии. Ведь Бонапарты («Наполеониды») обладают повсеместно признанной привилегией политических инициатив, определяемых не столько закономерностью развития страны, сколько решением «личного духа», который оттого-то и держит «в тревоге народы и государства», по существу, весь мир. Центр тяжести во Франции, подчеркивал Аксаков, находится не в ней самой, а исключительно в личности императора.

Важную особенность бонапартизма Аксаков видит в его специфической исторической миссии. Она уникальна, выражает неповторимое соотношение индивидуального и социального начал. «Наполеон I, Наполеон III — дело не столько в личных дарованиях каждого, сколько в их исторической революционной миссии,

равно присущей обоим. Обе личности исчезают в общей исторической личности Наполеонидов — конечно, созданной духом первого Наполеона, носящей на себе клеймо *его* гения. Да, Наполеониды имеют значение как *личность* в истории, несмотря на то, что в ней личность индивидуумов поглощается большею частью значением личностей народных или государственных» [1, т. 7, с. 4–5].

Что же до содержания анализируемой славянофилом речи, то она, как полагал Аксаков, свидетельствует о затруднениях Наполеона III: все его попытки навязать России дипломатическим путем свою волю в польском вопросе потерпели неудачу. Поэтому для него проблема уже состояла в спасении престижа династии. Император вывернулся, прибегнув к «мишурному блеску», ведь Англия и Австрия его угрозы не поддержали. Он призвал собрать европейский конгресс. При этом он сумел ловко польстить — и России, и полякам. Россию он восхвалял за поддержку в присоединении к Франции Савойи и Ниццы, поляков — за борьбу за собственные права. Польский вопрос, по мнению Наполеона III, надлежит передать в ведение общеевропейского суда, который заодно разрешил бы все спорные проблемы текущей политики вообще. России он намекает на выгоду такого рода предложения, ибо оно может способствовать пересмотру парижского трактата. Аксаков упрекает императора французов в желании усилить собственную позицию, а все прочие страны загнать в невыгодное положение. Наполеон III рядится миротворцем, а в действительности стремится связать другие державы обязательствами, которые для него самого не имели бы силы. Так, Италии пришлось бы отказаться от Венеции и Рима, Австрии и Пруссии потребовалось бы подчиниться в вопросе об устройстве Германии внешнему, навязанному им решению. Англия, со своей стороны, ничего не приобретая, потеряла бы часть своего влияния на европейские дела. России пришлось бы принять решение по большей части настроенных враждебно по отношению к ней судей. Поэтому, кроме Франции, конгресс никому не выгоден. Польский вопрос, как утверждал Аксаков, — дело славянское, и решаться должен соответственно. Он не заключается ни в конституции, ни в порядке управления, но исключительно в развитии «начала народностей», притом во всем славянском мире.

Аксаков утверждал, что для самой Европы зависимость от личности Наполеона III давно в тягость и постоянно сохраняться такое положение дел не может. Она с необходимостью освободится от стесняющих ее пут, но только с помощью России. Самостоятельно избавиться от давления бонапартистской политики Европа не сумеет. Когда именно падет «деспотическое иго» императора французов, по Аксакову, с точностью предсказать нельзя. Но предстоящий итог для него несомненен: «как ни умен Наполеон III», а все-таки не избежать ему «рокового» падения. Оно, согласно Аксакову, будет связано с войной, и в этом смысле нынешний властитель Франции повторит судьбу своего выдающегося предшественника.

В ноябре 1864 г. Аксаков писал о том, что кажущееся спокойствие в международных делах на самом деле предвещает для России серьезные испытания. Он говорит о сосредоточении политической инициативы в Европе в руках Наполеона III. Инициатива эта «как будто уступлена» ему прочими государствами, и эта их готовность идти на компромиссы ради спокойствия как раз и составляет в немалой степени могущество находящегося во главе Франции Бонапарта. Общая оценка Аксаковым политической ситуации такова: европейские страны придерживаются

оборонительной позиции, просто реагируя на активность Франции. Наполеон III как будто пользуется давним, утвердившимся правом своей династии. Все содержание европейской политики оказывается в зависимости от бонапартистских начинаний. В этом как сила Наполеона III, так и уязвимость его позиции. Ибо Европа чувствует усталость и раздражение от навязываемых ей условий. Она склонна объединиться против него, как когда-то выступила против его предшественника. Соответственно, Наполеон III направляет свое политическое искусство на разделение возможных противников, на их последовательное ослабление. Он умело пользуется, согласно Аксакову, боязнью на Западе очередных французских революций, которые слишком известны заразительностью своих примеров.

Он сравнивает двух Бонапартов, в разное время добившихся императорской власти. В личности первого императора Аксаков видел соединение тиранического деспотизма с вдохновенным, творческим, поэтическим подходом к истории. Потому-то его правление, его войны воспринимаются многими, хотя и прошло-то со времени их завершения небольшое количество лет, как «героический век». Оттого Наполеон I видится фигурой возвышенной, романтической, вызывающей воспоминания о древних преданиях.

«Наполеон Первый был энтузиаст и мечтатель, был своего рода поэт — артист в истории, — что не мешало ему, разумеется, быть бездушным и деспотом, т. е. смотреть на человечество, как на материал для своих артистических созданий и на пьедестал своей поэтической славы. Он упивался поэзией своей судьбы, он постоянно носил в самом себе художественное представление о своей собственной деятельности; его воображение питало в нем поэтически-величественные сны, — и оттого самая личность его так обаятельно действовала на современников» [1, т. 7, с. 45]. Даже завершающие годы его жизни, прошедшие в изгнании, на скалистом острове, находящемся посреди бушующего океана, вполне гармонично соответствовали образу вдохновенного героя.

Наполеон III, в понимании Аксакова, поэтического вдохновения своего предшественника лишен, зато очень хитер, это «человек расчета». Отсюда различие в их политике по отношению к Англии. Наполеон I стремился ее сокрушить как своего главного врага, Наполеон III вступил с ней в союз. Конечно, этот новый союз ограничивает действия Франции на континенте, но вместе с тем усиливает позиции Наполеона III в Европе, вынуждает Англию к политическим уступкам ему. Наполеон III даже более англичан выигрывает от такого союза, ибо он умело шантажирует Англию возможностью союза с Россией на Востоке, принуждая ее «увиваться» возле себя.

Философ высказывал предположение, что Наполеон III постарается возглавить западную коалицию против России, ибо «ослабление России — всем Европейским державам равно приятно и выгодно» [1, т. 7, с. 48].

В марте 1867 г. Аксаков публикует статью «О непрочности Наполеоновской династии на французском престоле». Поводом к ней послужила всемирная выставка в Париже. По мнению Аксакова, она потребовалась императору для отвлечения внимания французов от неудач его политики. В этой связи философ упоминает о мексиканской экспедиции, о датском и германском вопросе. Внешнеполитических успехов давно не видно, а внутри Франции никак не обнаруживается обещанная Наполеоном III свобода. Для династии, не имеющей давнего наследственного

происхождения, положение складывается рискованное. Исправить его можно было бы только громкими военными успехами. Созданные революцией, Бонапарты способны сохранять власть и могущество только непрерывными победами, политическими новшествами. Бездействие для Бонапартов, по образному выражению Аксакова, — «политическая смерть». Течение событий в обычном, спокойном русле для них невыгодно. Ибо при размеренном ходе событий Бонапарты рискуют потерять значение центра тяжести своей страны, а следовательно — и трон. Аксаков был убежден, что сын Наполеона III никогда не наследует его власти. Что же, в этом вопросе он оказался прав. Философ предсказывал, что император французов в обозримой перспективе будет вынужден решиться на европейскую войну, даже называет ее «неминуемой». Он ожидал «кровавого столкновения» Франции с Пруссией. Правда, он полагал, что в этом конфликте Австрия окажется на стороне Франции, чего все-таки не произошло.

В июле 1867 г. Аксаков выступил со статей «Буржуазный Наполеон невыносим». Он высказывал мысль о том, что революция во Франции маловероятна, если не случится смерти Наполеона III или сокрушительного военного разгрома. До тех пор, пока не произойдет одно из двух упомянутых событий, бонапартизм сохранит свое господствующее положение. Правда, для этого императору придется проявить свое искусство: где-то приоткрыть один клапан общественной жизни, иной же, наоборот, прикрыть. Национальная психология французов чувствительна к вопросам внешнего величия, славы. Поэтому Крымская война была популярна во Франции, даже в среде оппозиции. Точно так же, заключает Аксаков, будет популярна и война с Пруссией. Философ предполагал, что лично Наполеон III не желает войны. Чувствуя старость, он не склонен к чрезмерному риску, опасается все «ставить на карту», в том числе и судьбу династии. Но обстоятельства его вынуждают. «У него нет к войне такой артистической любви, которую питал к ней его дядя, любивший ее, как любит художник искусство ради искусства. Но... имя Наполеона точно так же обязывает, обязывает поддерживать обаяние имени, обаяние величия и славы. Буржуазный Наполеон невыносим. Это нравственное роковое обязательство так сильно, что Наполеон III от него уклониться не может» [1, т. 7, с. 104]. Аксаков предсказывал, что император французов испробует всякие способы избежать войны с Пруссией, но ему придется уступить общественному мнению. Ведь бонапартистская власть с момента возникновения всегда держалась на потакании «политическому тщеславию нации». Отказаться от этой линии означает для нее подписать себе смертный приговор. Серией дипломатических уверток Наполеон III пока еще пытается уклониться от прямого столкновения, однако ему это не удастся. Прогноз Аксакова точен, как и его предположение о том, что война принесет правящему Бонапарту, быть может, «новое Ватерлоо».

После падения Второй империи Аксаков высказывал мысли о том, что значение Франции в мировой политике резко снизилось. В этом плане характерна его статья «В политическом составе Европы, только две настоящие силы: Германия и Россия» (сентябрь 1883 г.). На его взгляд, «судьбы всего европейского континента», по сути, определяют два «государственных организма». Англия все еще сильна на море, но на события материковой Европы влияет все меньше. Австро-Венгрия — непрочное сооружение, считающееся великим только благодаря неизжитому предрассудку. Наконец, Франция оказалась выбита из колеи «ударом гер-

манского копья», ее «не приходится в настоящее время принимать в расчет» [1, т. 7, с. 356]. Причем, согласно Аксакову, дело вовсе не материальной слабости, а в утрате ею нравственного центра. На текущем отрезке своей истории Франция лишена объединяющей идеи, «общего знамени», в чем и состоит ее уязвимость. Философ усматривает в этом историческую закономерность: ведь вместо постепенно развития, раскрытия собственных сил, Франция за последнее столетие пережила целую череду революций.

Аксаковское истолкование бонапартизма, разумеется, находилось в тесной связи с его представлениями о смысле современных ему событий на Западе и в России, о природе государства, о понятии прогресса и нравственного идеала. Собственно, оно выступало лишь ответвлением внутри системы, где все части взаимно предполагали друг друга.

Согласно Аксакову, противостояние Запада и России определяется глубоко религиозными причинами. Православный славянский мир, претендующий на особую роль в истории, сталкивается с сопротивлением держав, преданных католицизму. Ему никогда не выполнить своей исторической задачи, если он не отстоит своей духовной самобытности. Между тем образованные представители славянского мира по привычке заискивают перед западными народами, готовы признавать мудрость только в их творениях, хотели бы по возможности больше походить на европейцев.

«Пора догадаться, что благосклонности Запады мы никакую угодливостью не купим; пора понять, что ненависть, нередко инстинктивная, Запады к Славянскому Православному миру происходит от иных, глубоко скрытых причин; эти причины — антагонизм двух противоположных духовных просветительных начал и зависть дряхлого мира к новому, которому принадлежит будущность» [1, т. 1, с. 5].

В этой связи Аксаков призывает дать бой западной публицистике, выступить в защиту славянской самобытности. Он жалуется на то, что даже в России многие трусливо избегают борьбы, не понимая ее необходимости для успешного развития страны. Европейская публицистика, по Аксакову, уничтожает нравственное могущество православной России, подрывает ее веру в собственные силы, влияет на духовный климат внутри страны, потому ее выпады нельзя оставлять без ответа. Равным образом западные деятели стремятся отклонить и другие славянские народы от мысли о собственной духовной самостоятельности. Славянские народы даже и чисто внешне подчинены немецкому и турецкому господству. Надежным, долгосрочным избавлением от угнетения, по Аксакову, им может служить только прочный союз с Россией. Объединив их, Россия исполнит свое назначение. «Освободить из-под материального и духовного гнета народы Славянские и даровать им дар самостоятельного духовного, и, пожалуй, политического бытия, под сенью могущественных крыл Русского орла — вот историческое призвание, нравственное право и обязанность России» [1, т. 1, с. 6].

Призвание это, по Аксакову, еще плохо осознано самой Россией, ее образованной частью.

Показательно, что еще в письмах родным, отправленных в начале 1849 г., Аксаков говорил о возврате Европы к политическим принципам «старого порядка», казалось было, поколебленного недавними революциями. В России он видит прямые отголоски происходящих на Западе событий: «Грустно и дома, грустно и тогда, когда поглядишь вокруг и увидишь всю бестолковщину и подлость общества... А между

тем всякая честная мысль клеймится названием якобинства, и торжество старого порядка вещей в Европе дает торжествовать и нашему гнилому обществу». Он высказывал убеждение, что «старый порядок» исторически обречен, но ему удалось надолго продлить свое существование. «А теперь опять покойно заплывет жиром сердце человеческое; грустно знать, что страшные раны, которые были обнажены 1848-м годом, остались невылеченными, закрыты снова и преданы забвению!» [2, с. 472, 474]. В его высказываниях сквозит явное разочарование тем обстоятельством, что вопросы общественной жизни, глубоко волновавшие возвышенные души, не нашли решения и не вызвали непосредственно ни выступления России с новой исторической ролью, ни преобразования цивилизации. Впрочем, он подчеркивал, что и не ожидал рождения на Западе «новых начал» в результате развития только недавних политических тенденций, одной «силою собственных средств».

Философ неоднократно говорил о том, что Россия нуждается в исцелении и спасении. Оно — в подвиге самосознания. Тема разрыва правящего слоя с народом постоянно, на разные лады, обсуждается в его статьях. «Вне народной почвы нет основы... И сколько накопили мы лжи в течение нашего полутора столетнего разрыва с народом!» [1, т. 2, с. 3–4]. Ранние славянофилы, на его взгляд, выработали воззрения, которые отныне послужат «маяком» на пути развития страны, выступят точкой перелома в истории русской мысли.

В тексте 1862 г. «По поводу празднования тысячелетия России» Аксаков заявлял, что торжественная дата скорее побуждает к покаянию, чем к самовозвеличанию. «Нам нечем превозноситься и славиться. Итог нашего тысячелетия скуден благими деяниями человечеству... Мы слышим в себе присутствие сил и талантов, но силы наши служили до сих пор только внешнему служению государства... С уважением должны мы взглянуть на западные народы...» [1, т. 5, с. 6–7]. Сила России, полагал он, в нравственной области, где неуместны самовосхваления. Нравственными основами она крепка: это и чистота веры, и народная добродетель, и община как особая форма быта. Но этим началам еще надлежит придать более широкое значение, вывести их на «путь всемирного исторического развития». Такого рода задача, на его взгляд, как раз и стоит перед Россией.

В «Письмах из Парижа» (1863, изданы под псевдонимом Касьянов) философ высказывал резко критические суждения в адрес образа жизни соотечественников за границей. На его взгляд, они не внесли ровно ничего нового в европейскую жизнь и не способствовали формированию у иностранцев верного представления о России. Аристократы, оторванные от народа, зависимые целиком и полностью от мнений европейских газет, вряд ли могли достичь иного результата.

«Спрашиваю я вас: есть, за что уважать нас Европе?... Чем, какими сторонами, какими качествами и делами выказались до сих пор европейцам мы, русские за границей... Пустотой, отступничеством, изменой» [1, т. 2, с. 112]. Эмигранты и путешественники, хотя и составляют изрядное число, но сама их деятельность бесплодна, лишена глубины. Некоторые считают делом чести перещеголять в расточительности представителей других наций. Другие раболепствуют перед всем иностранным, третьи эмигрировали, чтобы призывать к войне с Россией и внутренним распрям. Отрекаясь от своей страны, они в то же время не в силах стать настоящими европейцами. «Представьте себе, какая странность! Лишние в своем отечестве люди оказываются лишними всюду!» [1, т. 2, с. 101].

В важнейшем для понимания социального учения Аксакова цикле статей «О взаимном отношении народа, государства и общества» (1862), он отстаивал концепцию внутренней и внешней силы. Внешняя правда и действие принадлежит области государственной власти. Это среда, в которой движение происходит посредством указов, распоряжений, официальных порядков и параграфов. Внутренняя сила относится к общественной жизни, ее-то как раз России недостает. Это сфера глубоких, свободных убеждений, касающихся нравственных вопросов. Общество он отличает от народа. Народ для Аксакова, — понятие более широкое. В самом общем смысле оно охватывает всех без исключения жителей страны. В более же узком и точном смысле оно для него обозначает простой народ, носитель непосредственной, органической стихии жизни. Общество, в свою очередь, — это среда народного самосознания. Оно включает только часть народа, понимаемого в широком смысле. Общество, с точки зрения Аксакова, — не узко-сословная единица. Оно объединяет всех, кто разрабатывает народное самосознание. Поэтому в его состав входят представители различных сословий, даже крестьяне. Его отличает высокий интеллектуальный и нравственный уровень. Общество, согласно Аксакову, — народ на второй ступени своего развития. В понимании Аксакова государство возникает раньше общества. Народ образует государство как необходимую внешнюю форму своего бытия, подобно тому, как птица выстраивает гнездо. Государство не может быть, по Аксакову, выразителем самосознания, ибо представляет собой «внешнее определение» народа. Аксаков часто использовал сравнение своего брата Константина: государство — кора дерева, народ — сердцевина. Чрезмерное усиление, утолщение коры губительно для сердцевины. Чтобы не произошло внешнего удушья народной жизни, необходимо общество, которое должно действовать не как политическая сила, но нравственная. Его орудие — слово, т. е. литература. Поэтому свобода слова безусловно необходима для развития народа.

Размышляя о соотношении понятий «цивилизация» и «христианский идеал», Аксаков обращал внимание на свойственные современному отрезку истории варварские преступления, выражающиеся в убийствах мирных людей, совершаемые якобы ради справедливости и свободы. Цивилизация, заключает он, сама по себе не предохраняет от насилий и поступков, достойных только «оскотинившихся людей». Корень проблемы философ видит в отрицании возгордившимся человеком абсолютной истины, в его стремлении удовлетвориться земной, ограниченной стороной своего бытия. Между тем без веры в божественный нравственный закон не может существовать подлинной ответственности и нравственной обязанности. Отбрасывание веры разрушает культуру, науку, цивилизацию, ведет общество к разложению и гибели. Поэтому, согласно Аксакову, цивилизация должна находиться в служебном положении по отношению к христианскому идеалу. Она заимствует у этого идеала свою нравственную основу, вне которой бессильна. «Хотя бы со временем человечество стало летать по воздуху и добралось до Луны, нравственный христианский идеал и тогда, как изначала, будет один и тот же» [1, т. 2, с. 715].

Об отношении Наполеона III к России, о месте, которая она занимала в его планах, по-своему позволяют судить документы времен Крымской войны. Конфликт с Россией он стремился использовать в целях расширения влияния Франции на вопросы мировой политики, равно как и для упрочения авторитета созданного им режима. В письме Николаю I (январь 1854 г.) он заявлял о себе как миротворце, пред-

лагал меры, по его утверждению, призванные сохранить спокойствие Европы. Он говорил о том, что французский и английский флот получили приказ войти в Босфор после обращения турецкого правительства, дело которого великим морским державам представляется правым — защита независимости страны. Синопское сражение побуждает Францию и Англию занять более активную позицию. Турецкий флот был атакован в собственных водах, что задевает военную честь великих держав: «...всюду, куда могут доставать наши пушки, наши союзники должны быть уважаемы» [3, vol. III, p. 376]. Эскадры западных держав вошли в Черное море для противодействия России. В целях заключения мира Россия должна вывести войска из Молдавии и Валахии, тогда англо-французский флот покинет Черное море, а будущее русско-турецкое соглашение надлежит передать на суд конференции четырех европейских держав. В случае несогласия русского царя с изложенными условиями, единственная альтернатива — «решительный разрыв» и война.

Е. В. Тарле настаивал на том, что подлинная цель письма — в намерении подтолкнуть русского царя к резким заявлениям, необратимым по своим последствиям. Всерьез к предотвращению войны Наполеон III не стремился, даже напротив, считал ее полезной для Франции. «В своем письме, тоже очень длинном, Николай вежливо, но решительно отказывается принять компромисс, а вернее сдачу всех позиций, предлагаемую ему Наполеоном III... “Я имею веру в Бога и в мое право, и я ручаюсь, что Россия в 1854 г. та же, какой была в 1812”. Именно эти слова в устах царя и требовались Наполеону III, который всячески разжигал шовинистические чувства во Франции, проводя мысль, что необходимо получить от России реванш за 1812 год... затеявая переписку, Наполеон III бил без промаха» [4, т. I, с. 445–446].

В своем выступлении перед сенаторами и депутатами законодательного собрания (март 1854 г.) Наполеон III заявил, что Франция не желает расширения территории, но вынуждена противодействовать «опасным захватам» колоссальной державы, способной «броситься на нашу цивилизацию». Россия претендует на Константинополь, но уступить ей означает потерять французское влияние в Средиземноморье. Коалиция европейских стран стремится, таким образом, к триумфу «права, справедливости и цивилизации» [3, vol. III, p. 383–385].

Солдатам экспедиционной армии он объявил (июль 1854 г.), что они отправляются на защиту «права наиболее слабого, свободы Европы и национальной чести». Подражая Наполеону I, он обратился к ним как своим детям: «Вперед, мои дети!... вскоре, вновь увидев вас, я смогу сказать: они были достойными сынами победителей при Аустерлице, Эйлау, Фридланде, Москве-реке. Вперед! Бог защищает вас!» [3, Vol. III, p. 387–388].

В речи перед корпусом императорской гвардии, предназначенном к отправке в Крым (январь 1855 г.), Наполеон III проводил параллель с временами великих победоносных войн своего предшественника, желая доказать, что основы военной чести неизменны: те же униформа, знамя, патриотизм.

К. Маркс, видевший в племяннике Наполеона I авантюриста, связывал бонапартизм с умением опираться, в зависимости от положения дел, на различные социальные силы: «...классовая борьба во Франции создала условия и обстоятельства, давшие возможность дюжинной и смешной личности сыграть роль героя» [5, с. 419]. В исследованиях последних ста лет преобладают иные, в целом более лестные для Наполеона III акценты. Его именуют человеком, служившим Фран-

ции искренне и смело, с моральным настроем, достойным уважения [6, p. 19], он предстает политическим деятелем, «искренне желающим улучшить судьбу человечества» [7, p. 10], лидером, придавшим Франции статус державы первого ранга, хотя и не являвшимся необыкновенным гением [8, p. 516]. Он также выступает персонажем, захваченным «верой в свою звезду, в фатальность своей миссии» [9, p. 15], всерьез обеспокоенным нищетой обездоленных [10, p. 65], романтическим героем [11, p. 416], воспринимающим себя в качестве избранника провидения [12, p. 22].

О мировосприятии Аксакова немало тонких суждений было высказано как его современниками, так и последующими исследователями истории русской мысли. Как вспоминал В. С. Соловьев, «Иван Сергеевич был, во-первых, привязан к православию, как к вере отцов, как к родовой святыне, с детства осеняющей русского человека... А затем он преклонялся в православии перед самым чистым и полным, по его убеждению, выражением нравственного принципа, жизненной нормы» [13, с. 281–282].

В работе «Русская идея» В. С. Соловьев представил сжатую характеристику мировоззрения И. Аксакова: «...один из самых выдающихся вождей “русской партии”, горячий патриот и ревностный православный, в своем качестве славянофила открытый враг Запада вообще и римской церкви в частности». Соловьев, выражая критическое отношение к отдельным мнениям Ивана Сергеевича, высоко оценивал его личные качества: «...хотя Аксаков и разделял предрассудки и заблуждения своей партии, он стоял выше обыденных панславистов не только по своему таланту, но и по своей добросовестности, по искренности своей мысли» [14, с. 230]. Выделял Соловьев и то обстоятельство, что Аксаков не был официальным философом, подвергался различным административным притеснениям.

Н. А. Бердяев обращал внимание на важное для понимания мировосприятия Ивана Сергеевича обстоятельство: «И. Аксаков, в отличие от Н. Данилевского, признавал идею общечеловеческой культуры. Но все они верили, что Россия не должна повторить путь Запада и что славяно-русский мир — мир будущего» [15, с. 82].

Г. В. Флоровский с одобрением приводил аксаковскую характеристику Победоносцева, а также «александровского времени»: «Иван Аксаков удачно говорит об этом своеобразном моменте русского развития, когда вдруг именно поэзия на время становится каким-то бесспорным историческим призванием» [16, с. 128]. По-видимому, для Флоровского Аксаков — тонкий, глубокий наблюдатель, помогающий разобраться в сути событий прошлого.

Б. В. Яковенко справедливо отмечал важную тенденцию деятельности славянофилов и особую роль Ивана Сергеевича в истории страны: «Кошелев, Самарин, И. Аксаков и даже сам Хомяков очень интересовались политикой в самом широком смысле слова, причем первые трое немало способствовали — каждый по-своему — русским государственным реформам 60-х годов» [17, с. 65]. Т. Г. Масарик подчеркивал значение творчества И. Аксакова и ранних славянофилов как исходного пункта философии религии К. Леонтьева [18, с. 258].

Н. И. Цимбаев убедительно показывает, что в пореформенные годы ведущая роль в «трансформации славянофильской идеологии принадлежала И. Аксакову» [19, с. 218–219]. В. В. Сербиненко и А. А. Попов отмечают, что в философии Аксакова «монархизм сочетался с признанием необходимости личной и общественной

свободы и обоснованием несовершенства любых форм государственности» [20, с. 12].

Подводя итоги, заметим, что размышления Аксакова о судьбе России в 60-е годы XIX в. оказались тесно связаны с его истолкованием феномена бонапартизма. Социум Аксаков уподоблял организму (постоянный пример с деревом) и настаивал на вечных его религиозно-нравственных основах. Соответственно, реализовать свое назначение Россия, как он полагал в силу панславистских убеждений, может, лишь отстаивая православную самобытность славянского мира. С точки зрения конфессиональной противоположности столкновение с Западом, ведомым важнейшей политической силой Европы, династией Бонапартов, выглядело для него событием закономерным.

В своей интерпретации бонапартизма Аксаков в немалой степени находился под обаянием наполеоновской легенды, по-своему поэтизировал Наполеона I и преувеличивал влияние Наполеона III на международные дела. Бонапартизм в принятой им системе отсчета предстает как принцип возвеличивания отдельной личности, как порождение революции, вознесенное до значения центра жизни страны, вынужденное держаться у власти войнами, потакающими национальным предрассудкам. Если Наполеон I в глазах Аксакова — гений, то Наполеон III — скорее хитрый, расчетливый политик. Бонапартизм русский философ трактует как органическое порождение западной истории. Это «сфинкс», бросающий вызов России и в столкновении с ней обретающий свою судьбу. Целый ряд предсказаний Аксакова оказался верен: Наполеон III был последним властвующим представителем династии, франко-прусская война действительно состоялась. Некоторые его прогнозы были менее точны — не произошло новой франко-русской войны, Австрия не выступила против Пруссии в союзе с Наполеоном III. Но, как бы то ни было, его учение оказалось специфическим образом вплетено в общий ритм развития славянофильских идей и повлияло на восприятие русско-французских отношений многими его современниками. Примечательно, что, с точки зрения славянофила, сам западный мир нуждается в России для избавления от давящего ига бонапартизма.

Литература

1. Аксаков, И. С. (1886–1887), *Сочинения*, в 7 т., М.: Тип. М. Г. Волчанинова.
2. Аксаков, И. С. (1988), *Письма к родным. 1844–1849*, М.: Наука.
3. Napoléon III (1856), *Œuvres*, vols. I–IV, Paris: Plon.
4. Тарле, Е. В. (1950), *Крымская война*, в 2 т. М., Л.: Изд-во АН СССР.
5. Маркс, К. (1985), Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта, в: Маркс, К. и Энгельс, Ф., *Избранные произведения*, в 3 т., т. 1, М.: Политиздат, с. 418–516.
6. Séguin, P. (1990), *Louis Napoléon le Grand*, Paris: Grasset.
7. Desternes, S. and Chandet, H. (1961), *Napoléon III. Homme du XX siècle*, Paris: Hachette.
8. Girard, L. (2013), *Napoléon III*, Paris: Fayard.
9. Pradalié, G. (1974), *Le second empire*, Paris: PUF.
10. Bluche, F. (1981), *Le bonapartisme*, Paris: PUF.
11. Bordonove, G. (1998), *Napoléon III*, Paris: Pygmalion.
12. Yon, J.-C. (2022), *Le second empire*, Paris: Armand Colin.
13. Соловьев, В. С. (1911), Из воспоминаний. Аксаковы, в: Соловьев, В. С., *Письма*, СПб.: Общественная польза, т. III. с. 275–282.
14. Соловьев, В. С. (1989), Русская идея, в: Соловьев, В. С., *Сочинения*, в 2 т., т. 2, М.: Правда, с. 219–246.

15. Бердяев, Н. А. (1990), *Русская идея, О России и русской философской культуре*, М.: Наука, с. 43 — 271.
16. Флоровский, Г. В. (1991), *Пути русского богословия*, Вильнюс: Вильтис.
17. Яковенко, Б. В. (2003), *История русской философии*. М.: Республика.
18. Масарик, Т. Г. (2004), *Россия и Европа*, в 3 т., т. 2, СПб.: Изд-во РХГИ.
19. Цимбаев, Н. И. (1986) *Славянофильство*, М.: Изд-во Моск. ун-та.
20. Сербиненко, В. В. и Попов, А. А. (2022), Аксаков Иван Сергеевич, в: Маслина, М. А. (ред.), *Русская философия. Энциклопедия*, М.: Мир философии, с. 12–13.

Статья поступила в редакцию 12 апреля 2024 г.;
рекомендована к печати 16 сентября 2024 г.

Контактная информация:

Кротов Артем Александрович — д-р филос. наук, проф.; <https://orcid.org/0000-0002-0590-4020>,
krotov@philos.msu.ru

Ivan Aksakov and Napoleon III: Slavophile Interpretation of Bonapartism

A. A. Krotov

Lomonosov Moscow State University,
1, Leninskiye Gory, Moscow, 119991, Russian Federation

For citation: Krotov A. A. Ivan Aksakov and Napoleon III: Slavophile Interpretation of Bonapartism. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2024, vol. 40, issue 4, pp. 595–607. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2024.403> (In Russian)

The article analyzes the ideas of one of the leaders of Slavophilism about the nature of Bonapartism. This issue has not yet been the subject of close research interest. In his articles of the 1860s, reflecting on the fate of Russia, I. Aksakov repeatedly touched on the topic of Napoleonic politics. From his point of view, Bonapartism is an organic product of Western history. Bonapartism was established thanks to the genius of one person, became possible due to revolutionary upheavals that shook the system of hereditary monarchies. It is expressed in the exaltation of a single person, acquiring the importance of the center of life of the whole country. This person can hold power with a series of innovations and victories; the measured rhythm of life destroys his power. In his own way, Aksakov poetized the personality of Napoleon I, saw him as an artist in history. Napoleon III, on the contrary, seemed to him a cunning, calculating politician. In the Slavophile coordinate system, Bonapartism is unacceptable for Russia, its path is different: the development of popular identity, the protection of Orthodox values, the unification of the Slavs. Aksakov predicted the fall of the Bonaparte dynasty, did not consider it durable. This forecast was justified, as well as the prediction of the Franco-Prussian war, which ended with the collapse of the Second Empire. In the confrontation between Russia and the West, Aksakov saw a religious background. He also spoke of the envy of the old world for the new one. At the same time, Aksakov declared the need for respect for Western peoples, the falsity of self-aggrandizement in the moral sphere: ethics presupposes humility, and not reliance on pride. In his understanding, the power of Russia in its primordial foundations was characterized with purity of faith, folk virtue, and community.

Keywords: I. S. Aksakov, Napoleon III, Bonapartism, Russian philosophy, Russia and the West, Slavophilism, culture of the XIX century.

References

1. Aksakov, I. S. (1886–1887), *Writings*, in 7 vols. Moscow: Tip. L. G. Volchaninova Publ. (In Russian)
2. Aksakov, I. S. (1988), *Letters to relatives. 1844–1849*, Moscow: Nauka Publ. (In Russian)

3. Napoléon III (1856), *Œuvres*, vols I–IV, Paris: Plon.
4. Tarle, E. V. (1950), *The Crimean War*, in 2 vols, Moscow: AN USSR Publ. (in Russian)
5. Marx, K. (1985), The Eighteenth Brumaire of Louis Bonaparte, in: Marx, K. and Engels, F., *Selected works*, in 3 vols, vol. 1, Moscow: Politizdat Publ., pp. 418–516. (In Russian)
6. Séguin, P. (1990), *Louis Napoléon le Grand*, Paris: Grasset.
7. Desternes, S. and Chandet, H. (1961), *Napoléon III. Homme du XX siècle*, Paris: Hachette.
8. Girard, L. (2013), *Napoléon III*, Paris: Fayard.
9. Pradalié, G. (1974), *Le second empire*, Paris: PUF.
10. Bluche, F. (1981), *Le bonapartisme*, Paris: PUF.
11. Bordonove, G. (1998), *Napoléon III*, Paris: Pygmalion.
12. Yon, J.-C. (2022), *Le second empire*, Paris: Armand Colin.
13. Soloviev, V.S. (1911), From memoirs. Aksakovs, in: Soloviev, V.S., *Letters*, vol. 3, St. Petersburg: Obshchestvennaia pol'za Publ., pp. 275–282. (In Russian)
14. Soloviev, V.S. (1989), Russian Idea, in: Soloviev, V.S., *Writings*, in 2 vols., vol. 2., Moscow: Pravda Publ., pp. 219–246. (In Russian)
15. Berdyaev, N. A. (1990), Russian idea, *About Russia and Russian philosophical culture*. Moscow: Nauka Publ., pp. 43–271. (In Russian)
16. Florovskiy, G. V. (1991), *Paths of Russian Theology*, Vilnyus, Viltis Publ. (in Russian)
17. Yakovenko, B. V. (2003), *History of Russian philosophy*, Moscow: Respublika Publ. (In Russian).
18. Masaryk, T. G. (2004), *Russia and Europe*: in 3 vols, vol. 2, St. Petersburg: RHGI Publ. (In Russian)
19. Tsimbaev, N. I. (1986), *Slavanophilism*, Moscow: MGU Publ. (in Russian)
20. Serbinenko, V. V., Popov, A. A. (2022), Aksakov Ivan Sergeevich, in: Maslin, M. A. (ed.), *Russian philosophy. Encyclopedia*, Moscow: Mir filosofii Publ., pp. 12–13. (In Russian)

Received: April 12, 2024

Accepted: September 16, 2024

Author's information:

Artem A. Krotov — Dr. Sci. in Philosophy, Professor; <https://orcid.org/0000-0002-0590-4020>,
krotov@philos.msu.ru